

Анатолий Старов

АВЕСТА НА БЫЧЬЕЙ ШКУРЕ

ПРОЛОГ

Жарким июньским днем в жизни Венедикта произошло нечто из ряда вон выходящее. Поддавшись бесконечному, нудному, словно навязчивая зубная боль, давлению мамы и напористости своей любимой, обусловленной, несомненно, исключительно безграничной любовью к своему избраннику, он изменил своей, казалось бы, незыблемой, давно устоявшейся холостяцкой жизни и, решившись, женился на Дарье. Но червячок сомнения в правильности своего поступка продолжал грызть его мозг еще долгие годы.

Страх за жизнь своей любимой продолжал постоянно терзать его. Одно дело при его-то жизни, полной опасных приключений и событий, отвечать только за свою жизнь и совсем другое дело нести ответственность за жизнь любимого человека и ребенка, который, несомненно, скоро появится на свет. Весь опыт его прошлой жизни показывал, что все его женщины, которые так или иначе занимали в его жизни значимое место, погибали от рук ведьм. Он совсем не хотел такой судьбы Дарье и своему

ребенку.

Вскоре Дарья сообщила ему, что беременна, чему Венедикт был несказанно рад. Он тщательно пытался отогнать от себя сомнения и мрачные мысли по поводу будущего его семьи. Вероятно, было бы лишним говорить, что обрадовалась и Елизавета Павловна, когда Дарья сообщила ей эту радостную новость.

— Ну, наконец-то, — радостно заворковала она в трубку телефона. — Слава создателю, я тоже стану бабушкой. Счастье-то какое! — трубка надолго замолчала. Венедикт и Дарья с удивлением смотрели на молчащую трубку, из которой доносилось лишь тяжелое дыхание, покашливание. — Дашенька, немедленно уходи с работы, — уже другим тоном, не допускающим возражения, заговорила трубка. — Ты должна как можно больше отдыхать. Пусть Венедикт обеспечивает твоё существование. Он мужик здоровый, на нем пахать можно, а ты, мое солнышко, слабенькая. Да еще и беременна. А работа у вас, не приведи господь, — привычно завела Елизавета Павловна знакомую, давно набившую оскомину, тему.

Дарья сначала очень удивилась безапелляционному выступлению своей свекрови, потом, опомнившись и придя в себя, заворчала недовольно, с робкой улыбкой на побледневшем

лице, что беременности всего два месяца, и она могла бы еще ни один месяц поработать.

Но свекровь, совершенно проигнорировав слабые попытки невестки отстоять свое право на труд, продолжала упорно гнуть свою линию. Не выдержав многодневного настойчивого давления авторитета свекрови, и многозначительного молчания мужа, которое она однозначно оценивала, как одобрение предложения матери, Дарья, скрипя сердцем, нешумно повозмущавшись покорно молчащим мужем, неохотно согласилась.

Венедикт в отличие от жены отнесся к предложению мамы с огромной дозой удовлетворения. Одно дело командовать сотрудником, женщиной, пусть и тайно горячо любимой и совсем другое дело — своей собственной женой. К тому же, как теперь выяснилось она еще и беременна. В таких условиях давать распоряжения, которые были иногда связаны и с бессонными ночами и со значительными физическими нагрузками и очень часто с выполнением заданий не совсем обычных с точки зрения обычного обывателя, было просто неразумно и чревато нехорошими последствиями.

Так или иначе, но вскоре муж с удовлетворением подписал приказ об увольнении жены из детективного агентства, и Дарья осталась без работы. Она полностью посвятила свою жизнь

обеспечению комфортного существования своего мужа в их теперь уже общем доме в дачном поселке, где когда-то происходили насыщенные драматизмом эпизоды расследования преступлений, связанных с божком Эрлика.

Елизавета Павловна первое время была очень недовольна решением молодой семьи обустроить свое семейное гнездышко далеко от города, в каком-то там дачном поселке. Она была исключительно городской женщиной и не могла понять тех людей, которые находили в дачной жизни какие-то прелести.

— Ну что вы нашли хорошего в этой глуши, так далеко от цивилизации? — вопрошала она у вновь родившейся семьи после того, как закончились празднования этого радостного события. — У нас прекрасная трехкомнатная квартира в центре города, переезжайте и живите в свое удовольствие. — Елизавета Павловна замолчала и грустно посмотрела на стену, где висел портрет усопшего мужа. — Мне уж недолго осталось жить. Игореша, наверно, уже заждался меня на том свете? А я вот что-то задержалась на этом.

Дарья, подбежав к свекрови, обняла ее ласково, прижалась к ней своим стройным девичьим станом.

— Спасибо, мамочка за предложение. Мы вас

очень любим. Но мы любим и наш дом в дачном поселке. Мы к нему привыкли, там нам все знакомо и дорого. С ним связаны наши совместные воспоминания. Иногда очень приятные, иногда — не очень. Но это наши совместные воспоминания. И это наша жизнь. Мы все обустроили в нем так, чтобы там нам было жить комфортно и удобно. Уж позвольте нам жить в нем?! Мы будем часто приезжать к вам в гости. А вы будете навещать нас. А для оперативной связи мы подарим вам мобильный телефон. Вы позвоните нам, и мы через какие-нибудь два часа будем у вас.

— Ох уж эти нововведения! — заворчала недовольно мама. — Вот видите, молодые люди, вместо личного общения вы пытаетесь отделаться от меня каким-то телефоном. Дашенька, да разве может какая-то железка, даже самая, как говорит современная молодежь, навороченная, заменить живое общение с близкими людьми?

— Мама, — не выдержав, вмешался в разговор женщин, Венедикт, — да мы понимаем, что не может. Телефон этот только для связи при необходимости. А так, я и Дашенька будем каждый день к тебе заезжать. Вот только боюсь, не надоест ли тебе столь частое общение с нами? — заулыбался Венедикт, довольный своей глупой шуткой.

— Как ты можешь так говорить? —

возмутилась разволновавшаяся Елизавета Павловна, — Вы же мои дети... — Елизавета Павловна неожиданно замолчала, задумавшись о чем-то. И после длительного молчания заключила. — Ладно, Бог с вами, живите, где хотите! — и она промокнула платочком неожиданно увлажнившиеся глаза.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

После долгих и тщательных поисков замены ушедшей с работы Дарьи, Венедикт взял на работу девушку — Светлану Хорошеву, недавно окончившую юридический институт.

Опыта работы у нее, прямо надо сказать, было не много. Точнее, у нее его вообще не было. Но было много других достоинств. Светлана была девушкой очень образованной, старательной, аккуратной. И было у нее еще одно достоинство, она умела общаться с людьми, и по телефону, и при личной встрече.

Венедикт, поговорив с девушкой по телефону, услышав ее завораживающий голос, был просто ею очарован и пригласил ее зайти в офис. На встрече с кандидатом в сотрудники детективного агентства

присутствовал и Алексей Заяц. Когда их беседа с очаровательной девушкой закончилась, Заяц вопросительно-требовательно взглянул на шефа и категорически заявил:

— Венедикт, если уж тебе не подходит в сотрудники эта девушка, тогда я не знаю, какого рожна тебе еще надо?

На этот раз Струкачеву пришлось согласиться со своим помощником. Дальнейшие события наглядно показали, что со своим выбором они не прогадали.

Однажды Дарья, навестив Елизавету Павловну, и завезя пожилой, часто болеющей на старости лет, женщине несколько пакетов с продуктами, соскучившись, заехала в детективное агентство, повидаться с мужем. Увидев новую молодую красивую сотрудницу мужа, обладающую несомненными достоинствами настоящей женщины, Дарья сверкнула глазами и тоном, не терпящим возражения, спокойно попросила Венедикта зайти в кабинет. Алексей и Светлана понимающе переглянулись и, хмыкнув, погрузились в свои повседневные дела.

Закрыв за собой дверь, Дарья, приблизив лицо к мужу, глядя на него своими пронзительными карими глазами, железным тоном произнесла:

— Венедикт, если я узнаю, что ты со своей сотрудницей завел роман, если хочешь, назови его

шашнями, я тебя пристрелю из твоего же пистолета. Ты меня знаешь, у меня рука не дрогнет, и стреляю я совсем неплохо. Уж с небольшого расстояния я не промахнусь. Это точно! Ты меня понимаешь?

— Конечно, понимаю, дорогая! И я прекрасно знаю, как ты хорошо стреляешь. Я не позавидую тому, кто попадет тебе на мушку. Но ты же знаешь меня уже давно. Не зря ты выбрала меня среди многих претендентов на твою руку и сердце. Ты можешь не сомневаться в моей преданности к тебе. — Венедикт, взяв жену за талию, уже слегка округлившуюся, легко приподнял ее и нежно поцеловал в губы. — Я обещаю тебе уже не первый раз, и готов обещать до окончания моих дней, что ты у меня всегда будешь единственной в моей жизни. В чем, — Венедикт пафосно поднял правую руку и торжественным голосом негромко, чтобы не слышали сотрудники, произнес, — я и клянусь тебе самым дорогим, что у меня есть — мамой, тобой и моим будущим ребенком.

Когда Венедикт, слегка смущенный вышел из своего кабинета, его встретил насмешливый взгляд Зайца.

— Что, шеф, получил инструктаж, как себя вести с новой сотрудницей? — с понимающей улыбкой полюбопытствовал он. — А что? — продолжил он, — Светлана у нас девушка видная.

Все проходящие мужики, головы сворачивают, оглядываясь на нее. Ей-ей, сам не раз видел. А ты видел, как на нее посетители пялятся? А голос у нее какой? От одного голоса с ума сойти можно!

От слов Алексея сидящая рядом с ним девушка вспыхнула маковым цветом.

— Господа, может, вы оставите меня в покое? — смущенно пролепетала она.

— Да... инструктаж, — проигнорировав просьбу девушки, заговорил Венедикт. — Согласен с тобой, Алексей. Светлана у нас — девушка красивая. — Венедикт взглянул на смущенную девушку и, поймав ее ускользящий взгляд, подмигнул ей лукаво. — Только Дашенька у меня красивее будет. И вообще я ее люблю и она, тебе это прекрасно известно, моя жена. Кстати, чего ты скалишься? Тоже мне, нашел тему для разговора, — совсем по-стариковски заворчал Венедикт. — Ты отправил Верещагину данные, которые мы раздобыли по убийству Сидоренко?

— Почто обижаешь, шеф? — нерешительно начал Алексей, но вопросительно взглянув на свою коллегу и, увидев ее едва заметный утверждающий кивок, более твердым тоном продолжил, — естественно отправили. Сразу же после получения распоряжения от тебя. — Алексей стал серьезным. — А Даша, в этом ты совершенно прав — классная женщина. Я, честно говоря, сам на нее

виды имел до вашей свадьбы. Да разве с тобой я мог соперничать? Ты же у нас шеф и...

— Причем здесь «шеф»? — не на шутку возмутился Венедикт. — Просто наши с Дашенькой души нашли друг друга. Ты вообще знаешь, что такое любовь? — разгорячился он, слегка повысив голос более необходимого в этой простой ситуации. И даже поперхнулся, закашлял, удивляясь своей неожиданной вспышке, сконфуженно взглянув на молчавшую Светлану. И уже более спокойным тоном закончил свою речь. — Неграмотный, ты Лешка, ни разу человек в некоторых областях. Впрочем, сейчас у меня нет времени заниматься твоим образованием, познавательные лекции читать. Если хочешь, я тебе потом как-нибудь расскажу, что такое любовь. Очень интересная теория. Мне ее один знакомый экстрасенс рассказал.

Алексей с усмешкой смотрел на своего взволнованного шефа.

— Венедикт, да перестань ты так волноваться, — Алексей примирительно заулыбался. — Я же пошутил. Ты с Дарьей — прекрасная пара. А теорию твою о любви я с удовольствием выслушаю. Я человек холостой, у меня свадьба еще впереди. Вот может на Светлану западу. Светлана, ты пойдешь за меня замуж, если я решусь тебе сделать предложение?

От этих слов девушка снова смутилась, вскочила со стула, пылающим взглядом обвела мужчин и, махнув безнадежно рукой, выскочила из кабинета.

Вышедшая из кабинета Дарья подозрительно посмотрела на замолчавших при ее появлении мужчин.

— Вы о чем тут сплетничаете? Не обо мне ли?

Венедикт и Алексей переглянулись и весело рассмеялись.

2

После ареста и осуждения Уварова начальником отдела полиции был назначен майор Антон Павлович Верещагин, присланный из соседнего отдела. Верещагин, просматривая архив Уварова, обратил внимание на частое упоминание в бумагах бывшего начальника отдела имени молодого частного детектива Струкачева Венедикта Игоревича.

Он пригласил к себе своего заместителя, который долгие годы бесменно проработал в отделе, и знал все и обо всех. Порасспросив его о Струкачеве, Верещагин очень им заинтересовался. Особенно его поразили дела, на расследовании которых специализировался детектив. Не каждый день встречаешь людей, которые занимаются

делами мистическими, недоступными и порой не понятными даже опытным специалистам-криминалистам.

Выбрав день свободнее, он пригласил Венедикта к себе в кабинет. Они несколько часов беседовали за закрытыми дверями. О чем они беседовали, для всех осталось тайной. Только после этого Верещагин частенько привлекал Венедикта к расследованию преступлений, когда своих сотрудников не хватало, или передавал ему расследования, если на этом молодой детектив мог заработать деньги на содержание фирмы и молодой красавицы-жены. А вскоре Верещагину пришлось пригласить Венедикта для расследования преступления, выходящего за рамки реальных.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как всегда не вовремя препротивно зазвонил мобильный телефон. Такой славный, освежающий сон мгновенно улетучился. Венедикт нехотя открыл глаза и, с беспокойством покосился на заворочавшуюся рядом Дарью. Он на ощупь, стараясь производить поменьше шума, взял трубку. Потерев глаза, отгоняя прочь сон, взглянул на экран. Звонил Антон Павлович Верещагин.

— Алло, я вас слушаю, — шепотом проговорил он в трубку, прикрывая ее для

надежности ладонью.

— Венедикт, с добрым утром. Извини, что разбудил тебя. Я чего тебе звоню? У меня в кабинете сидит один человек. Рассказывает интереснейшие вещи. Я вспомнил, что ты у нас специалист по мистическим делам. Думаю, тебе будет интересно его послушать. Может, ты подъедешь к нам в отдел? Я его сейчас отведу на завтрак, поговорю о жизни, о том, о сем. В общем, потяну время. К этому моменту и ты подъедешь. Так как? Ты сможешь подъехать?

— Хорошо, я сейчас подъеду, — прошептал в трубку Венедикт.

Он взял с тумбочки часы, взглянул на подсвечиваемый циферблат. Часы равнодушно показывали десять минут девятого.

— Что за манера у этой полиции-милиции всякий раз звонить в такую рань! Не мог позднее позвонить, — проворчал недовольно Венедикт себе под нос.

Стараясь не шуметь, он встал с кровати и направился в ванную комнату. Приняв душ и побрившись, Венедикт вышел в кухню и в удивлении замер. У плиты в коротеньком халатике, охотно обнажавшем ее длинные стройные ножки, колдовала над приготовлением завтрака Дарья.

— Дашенька, ты чего вскочила в такую рань? — деланно недовольно спросил Венедикт. —

Почему, позволь тебя спросить, ты нарушаешь установленный режим дня. Ты должна в это время спать. Ты не забыла?

— Тебе то же доброго утра, дорогой. Я ничего не забыла, но я готовлю завтрак своему мужу, — повернувшись к нему, ласково улыбнулась женщина. — Не могу же я отправить на работу своего любимого мужчину голодным?

Так ласково, легко, непринужденно, соблазнительно улыбаться могла только Даша. Венедикт почувствовал, как всего его захлестывает волна любви к жене. Он едва сдержался, чтобы не схватить ее в объятия, не прижать ее нежно, и в то же время крепко-крепко, к себе и целовать, целовать ее всю долго-долго почти на грани безумия.

— Я и сам мог бы подсуетиться, — справившись с охватившим желанием, с деланным неодобрением проворчал Венедикт, подходя к жене, ласково обнимая и целуя в подставленные губы.

Он произвольно бросил взгляд на ее дерзко торчащий животик, и лицо его расплылось в улыбке. Скоро, совсем скоро на свет появится его ребенок и...

— Знаю я твои завтраки, — перебила жена его размышления о недалеком будущем. — В лучшем случае сварить кружку кофе и выкуришь сигарету.

И заметь, это в лучшем случае. Обычно до свадьбы твоим завтраком была выкуренная сигарета или даже несколько, — с неодобрением проговорила Дарья. — Садись, завтракай, — Дарья поставила на стол перед мужем тарелку с толстыми, удивительно ароматными, оладьями, вазочку с малиновым вареньем и любимую Венедиктом большую кружку обжигающе горячего ароматного кофе.

Сама села напротив мужа, уперлась локтями о стол, положила голову на сцепленные ладони.

— Так интересно наблюдать за мужчинами, когда они едят. У вас лица становятся такими блаженными, когда едите. От еды вы получаете, вероятно, истинное удовольствие.

Венедикт весело рассмеялся.

— Что уж тут скрывать? Мы, мужчины, любим поработать за столом. Нам мужчинам очень много сил надо, чтобы женщин любить.

— Да ну тебя! Вечно ты все испортишь. Тебе Верещагин звонил? — поинтересовалась она, с любовью и удовлетворением наблюдая, как Венедикт с аппетитом поглощает приготовленный завтрак. Ей всегда очень нравилось наблюдать, как ее муж ест. Было в этом что-то такое теплое, домашнее, уютное. Она не раз ловила себя на мысли, что ревнует, если мужу приходилось обедать или ужинать где-то в столовой или ресторане. Ей казалось, что эти общепиты

покушаются на самое дорогое, что у нее есть, на ее домашние устои.

— Да, — пробормотал Венедикт набитым ртом. Он, обжигаясь, сделал большой глоток кофе. — Хочет, чтобы я поприсутствовал на допросе какого-то человека. Может, будет что-нибудь интересное? Он намекнул, что дело, на его взгляд, связано с мистикой.

— С мистикой, — встревожилась Дарья, вспоминая тот час же совместное путешествие в четырнадцатый век и связанные с ним смертельные опасности. — Ох, уж эта мистика. И чего тебе не работается без нее. Ведь и без мистики много преступлений. Лучше бы ты за любовниками следил, да собачек бабулькам разыскивал. А тебя вечно тянет в какие-то авантюры, — женщина взглянула на недовольно скривившегося мужа и, поняв, что ее слова для Венедикта совсем не лучше горькой редьки и никакие ее доводы не смогут поколебать страстного увлечения детектива мистикой, незаметно горестно вздохнула и, глядя с любовью на него, просительным тоном произнесла: — Венечка, принимаясь за новое дело, ты не забудь о нас, пожалуйста. Обо мне и нашем будущем ребеночке.

Детектив, проглотив очередной тщательно пережеванный оладий, замер с занесенной над очередной оладьей вилкой, взглянул с любовью на

жену.

— Что ты, солнышко! Я о своей семье никогда не забываю, — с улыбкой сказал он, кладя вилку и протягивая руку за кофе. — А мистика... Ну, мистика. Подумаешь. То же преступление, только в него иногда замешаны разные темные силы. Я с детских лет вращаюсь среди этих самых темных сил. И за это время поднакопил кое-какой опыт. Не волнуйся ты. Все будет в порядке. — Венедикт заметил тревогу в глазах жены и попытался перевести разговор на более безопасные темы. — Ты была в поликлинике вчера?

— В поликлинику мне надо сегодня. Я тебе об этом говорила еще позавчера. Ты такой невнимательный. Впрочем, как все мужчины.

— Стоп, стоп! Откуда у тебя такие познания об особенностях всех мужчин? Я почему-то думал, что я у тебя один. Единственный и неповторимый.

— Венедикт об этом знают все образованные люди. А ты что, посмел подозревать меня в связи с другими мужчинами? — голос Дарьи обиженно зазвенел, а глаза подозрительно заблестели.

— Извини, солнышко, — не на шутки встревожился Венедикт. У жены сейчас такой сложный период, ей скоро рожать, а он, идиот, шутки решил шутить, да еще на такие скользкие темы. В такой период женщины становятся особенно чувствительными. Можно нанести

душевную рану, казалось бы, безобидным словом. — Это я глупость спорол, — ласковым воркующим голосом заговорил он, нежно беря и поглаживая руку жены. — Ну, честное слово, я не подозреваю тебя в измене мне. Ты же перед самым господом Богом обещала хранить мне верность. — Венедикт смутился до такой степени, что даже перестал пить свой любимый кофе. — С этими делами, действительно частенько забываю, о чем ты мне говоришь. Ты простишь меня? Ну, хочешь, я сейчас с тобой буду мириться?

— Это еще как мириться? — жена, успокаиваясь, подозрительно на него взглянула.

— Ха-ха! Ты что сама не понимаешь? — Венедикт весело рассмеялся и в его голубых глазах запрыгал бесенок озорства. — Разве ты не знаешь, что первым и самым верным средством примирения поссорившихся супругов является хороший добротный секс?

Дарья смутилась от слов мужа.

— Ага, только тебя мне сейчас не хватает для полного счастья! — Дарья с сожалением взглянула на свой дерзко выпирающий живот. — Впрочем, можно, конечно, потихонечку, полегонечку. Вот только одна загвоздка у нас с тобой, — Дарья ехидно усмехнулась, — тебя ждет не дождется твой Верещагин. Уже наверно копытом бьет от возбуждения.

Венедикт спохватился.

— Вот, черт! Ты меня окончательно выбила из деловой колеи. Я действительно забыл о Верещагине, — Венедикт с сожалением взглянул на располневшее в последнее время тело своей ненаглядной. — Ладно, этот пробел мы с тобой вечером устраним. И кстати, не вздумай сама вести машину. Я позвоню Зайцу, он тебя отвезет. Ты у меня в таком интересном положении, что должна соблюдать абсолютное спокойствие. Вождение пока не для тебя. Ты прониклась моим указанием?

— Есть, шеф! Буду послушно ждать Алексея. И не буду волноваться.

— Какая ты у меня послушная, молодец! Дашенька, но я тебе серьезно говорю, сама машину не веди. Подожди Лешку. Я ему сейчас позвоню, он к нужному времени будет у тебя. — Венедикт взглянул на часы. — О времени-то сколько! Антон Павлович меня заждался уже. Нужно поторопиться. Спасибо за завтрак, было очень вкусно. Я побежал.

Венедикт встал из-за стола, поцеловал жену, нежно погладил ее по огромному животу, почувствовав, как его ребенок зашевелился, отчего тот заходил волнами. Полюбовавшись выкрутасами своего не родившегося малыша, по привычке полез в карман за сигаретой. Вспомнив о вреде табачного дыма для беременных, смутился, похлопал просто по карману под насмешливым взглядом Дарьи.

— Венедикт, ты рубашку свежую надел? —
Вспомнила неожиданно Дарья.

— Не знаю, дорогая, наверно, свежую. Я ее в шкафу взял.

— Тогда свежую. У тебя в шкафу висят только свежие рубашки.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Венедикт, целуя жену на прощание.

Жена всегда с трепетом относилась к внешнему виду Венедикта. И он привык, что у него всегда была чистая одежда, а в доме поддерживался идеальный порядок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Венедикт вел машину, а его голова была занята мыслью о предстоящем деле. Давненько он уже не вел дел, связанных с мистикой. Все попадались дела простенькие, без мистики, без особого драйва. Было достаточно скучно, обыденно. В основном слежка за неверными супругами, поиск сбежавших чад «новых русских». Брались и за поиски сбежавших домашних любимцев.

Лишь изредка попадались интересные дела, в

основном, подбрасываемые Верещагиным, связанные с убийствами. И тогда Венедикт преображался, весь уходил в расследование, забывая про сон, еду. Если бы не жена, он с легкостью доходил бы до иступления. Но это случалось не часто. Работа его и помощников, конечно, приносило доход, позволяющий и содержать свою небольшую фирму и самим существовать безбедно. Но не было удовлетворения его потаенному самолюбию. И его шестое чувство, которое чудесным образом помогало ему в самых безвыходных ситуациях, уже давно обиженно молчало, ничего хорошего не предвещая.

Но сегодня оно, наконец-то, проснулось, зашевелилось неуклюже в его мозгу и настойчиво нашептывает ему, что ждет его дело необычное, мистическое. И от ожидания предстоящего расследования почувствовал Венедикт легкое покалывание в кончиках пальцев, легкое, едва заметное, головокружение от захлестывающего его адреналина, как начинает его одолевать ни с чем несравнимое чувство азарта, куража.

— Ладно, посмотрим, что на сей раз приготовил мне Верещагин, — бормотал Венедикт, направляясь к кабинету начальника отдела.

Когда Венедикт, постучавшись, вошел в кабинет Верещагина, его взгляд остановился на сидящем в кресле пожилом человеке. Его небольшое худощавое лицо было чисто выбрито. Тонкие губы по-старчески голубоватого цвета были сейчас плотно сжаты. Небольшой слегка заостренный нос с тонкими, почти прозрачными, ноздрями постоянно находился в движении. Словно его хозяин к чему-то тщательно принохивался. У самого левого уха чернело небольшое родимое пятно. На голове были гладко причесанные длинные седые волосы, волнами спадающие на узкие плечи. Светло голубые, словно выгоревшие от прожитых лет, глаза смотрели на вошедшего детектива внимательно и пытливо.

Поздоровавшись с присутствующими, Венедикт расположился на стуле слева от посетителя. В кабинете наступила такая тишина, что было слышно, как в оконное, чисто вымытое стекло, безуспешно бьется растерянная неожиданной преградой муха.

— Ну, вот! Это тот самый молодой человек, о котором я вам говорил, Петр Николаевич, — нарушил молчание хозяин кабинета. — Его зовут Венедиктом Игоревичем Струкачевым. Он у нас большой, и я бы так сказал, единственный специалист в нашем районе по всяким мистическим штучкам. Вы не могли бы повторить еще раз то, что

рассказывали мне? Я, конечно, могу ему и сам все рассказать, но боюсь упустить что-нибудь важное для расследования этого необычного дела. Я, признаться, не большой специалист по мистике. В моей долгой криминалистической практике с таким необычным делом я сталкиваюсь впервые. — Верещагин сокрушенно покачал крупной лысой головой, словно сожалея о таком пробеле в своей блестящей биографии.

Петр Николаевич, привстал с кресла, повернувшись к Венедикту, по-старомодному вежливо поклонился опешившему от такого поступка детективу. Совладав с собой, Венедикт слегка качнул корпусом, отдавая дань церемониалу, протянул руку и представился. Петр Николаевич, протянув для приветствия сухонькую ладонь, то же представился.

— Петр Николаевич Соколов, профессор археологии и по совместительству заядлый собиратель всяких старых артефактов, связанных, в основном, с историей древнеиранской литературы. Представитель достаточно редкой, не очень известного широкой публике направления археологии под названием археографии, — профессор церемонно наклонил голову.

— Будем считать, что процедура знакомства завершена, — Верещагин с удовлетворением потер огромными ладонями и сделал пригласительный

жест. — Я вас прошу располагаться на своих местах и Петру Николаевичу приступить к изложению.

Венедикт удобно разместился на единственном свободном стуле и приготовился слушать старого профессора. Соколов присел на краешек кресла и беспокойно заерзал на нем. Словно что-то мешало ему расслабиться. Неожиданно Петр Николаевич как-то совсем беспомощно оглядел собеседников.

— Вы думаете, что этот молодой человек сможет разобраться в моем деле? — обращаясь к Верещагину, спросил Соколов. — Слишком уж он молодой.

— Петр Николаевич, вы не сомневайтесь в его способностях, — Верещагин с улыбкой посмотрел на Венедикта. — Он уже провел немало успешных расследований, связанных с мистикой. И более того, скажу вам по большому секрету, что к Венедикту Игоревичу всякая мистика так и липнет. Да и сам он, человек не простой. Познакомившись с ним поближе, вы убедитесь в его невероятных способностях.

— Петр Николаевич, — решил вступить в разговор Венедикт, — вы успокойтесь, пожалуйста, и подробно расскажите о той проблеме, что вас мучит. Если я смогу вам помочь, я сделаю это.

— Да, да, спасибо. Ну, что ж? Вам виднее, —

Петр Николаевич с надеждой взглянул на Верещагина. — Вы лучше знаете своих сотрудников. Видите ли, — Соколов повернулся к Венедикту, — как я вам сказал, представляясь, я являюсь в некотором роде коллекционером артефактов. В основном я собираю древнюю литературу. Особенно я люблю древнеиранскую литературу. Вот такое у меня, знаете ли, необычное хобби. Так вот, вчера вечером, было уже достаточно поздно, точно я не могу указать время, извините, не обратил на это внимание, мне позвонил молодой человек и предложил приобрести гаты.

— Что такое гаты? — перебил рассказ профессора Венедикт. — Профессор, как мне ни стыдно, но я никогда о гатах не слышал. Это вероятно какие-то древние рукописи?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Профессор от заданного вопроса недоуменно замолчал и уставился на детектива, часто моргая почти прозрачными веками. Прошло несколько мгновений, пока Петр Николаевич осознал вопрос Венедикта.

— Ах да! Извините, меня. Я и забыл, что нахожусь в весьма специфическом учреждении, — не удержался от сарказма Соколов. Но осознав

нетактичность своих слов, смутился. Легкий румянец покрыл его бледные щеки. — Извините, сейчас попробую вам это объяснить.

Гаты — это действительно древние рукописи. В этом вы правы. Они — наиболее значимая и почитаемая часть Авесты, — профессор неожиданно замолчал и вопросительно взглянул на Венедикта. — Я вижу, молодой человек, по вашему лицу, что об Авесте вы так же никогда не слышали, — он вздохнул, едва заметно покачал головой, словно сокрушаясь о низких познаниях современной молодежи. — Авеста — это собрание священных текстов зороастрийцев, старейший памятник древнеиранской литературы, написанный на особом, более нигде не зафиксированном языке, называемом в иранистике «авестийским». Естественно этот язык, как вы понимаете, сейчас относится к категории мертвых языков.

В мире существует совсем немного документов, написанных на этом языке. И должен сказать многие из них вообще являются мифическими. Слухи о них существуют, но их никто не видел. Во всяком случае, достоверных сведений о них ученым не известны. Кстати, существование Авесты то же под вопросом. Ее мало кто видел. Многие вообще считают, что Авеста — это всего лишь красивая легенда. Я не отношусь к их числу. Я точно знаю, что Авеста и

гаты реально существуют.

За многие столетия его существования по моим данным, а этим вопросом я занимаюсь уже больше полувека, им владели считанные единицы. Он настолько ценный, что тот, кто им владеет, держит этот факт в строжайшем секрете. Но сами понимаете, что рано или поздно эта тайна становится кому-либо известна, и документ переходит к другому владельцу. И эта смена владельца, как вы догадываетесь, происходит чаще всего незаконно. И это еще мягко сказано. С Авестой связано так много жутких историй, что при желании можно написать несколько романов, в которых будут и ужасы, и жестокость и даже убийства.

Будем исходить из того, что Авеста, все-таки существует. И тогда получается, что Авеста сама по себе очень ценный артефакт, как исторический документ. Но она представляет собой и значительную материальную ценность. По некоторым сведениям Авеста представляет собой достаточно большого объема книгу. Она написана на страницах, изготовленных из очень хорошо обработанных бычьих шкур, чернилами. И хочу отметить, что чернилами не простыми, а золотыми. Этим она и привлекает не только ценителей древней литературы, но и всякого рода проходимцев.

М-да, так вот, продолжая о гатах. Если поверить в их существование, то в них входят семнадцать поэтических гимнов пророка Заратуштры, обращенных к единому Богу-Творцу всего существующего на Земле Ахура-Мазде.

— Понятно, — перебил Венедикт словоохотливого старого профессора. — С Авестой и гатами на данном этапе мне более-менее понятно. — Но дальше что происходило? Позвонил вам молодой человек и что?

Профессор от заданного вопроса неожиданно обмяк, словно кто-то незримый коварно выпустил из него немного воздуха. Он вдруг засуетился, его тонкие руки с длинными нервно вздрагивающими пальцами запорхали бабочками вокруг тела. Нащупав, профессор вытащил из кармана идеально чистый, тщательно выглаженный носовой платок и обтер неожиданно покрывшееся потом лицо.

— Это так страшно вспоминать, Венедикт Игоревич, — Соколов жалобно взглянул на Струкачева, словно ожидая, что тот его пожалеет. Но Венедикт, не проявляя никаких эмоций, терпеливо ждал, когда профессор закончит свою мысль. — Позвонил, значит, мне молодой человек...

— Вы его знаете, Петр Николаевич? — снова перебил его Венедикт.

— Н-нет. И голос мне его не знаком. Во

всяком случае, я не помню этого голоса. Он мне представился. Но как-то невнятно. Не знаю, затрудняюсь сказать, это у него манера такая говорить или он сделал это вполне сознательно. Я, честно говоря, ничего из его представления не понял, а переспросить постеснялся.

Да в тот момент мне это было совсем неинтересно, учитывая то, что он мне сказал. Вы себе представить не можете, он предложил мне купить гаты, — высокий голос Петра Николаевича от волнения завибрировал. — Это было самое главное, и это я прекрасно понял. Значит, я был прав в своем предположении о реальности существования этого документа. Я был так взволнован, услышав это предложение! Я до сих пор не могу поверить в реальность этого мистического предложения. Цель всей моей жизни была так близка, так реально осязаема. Я за одно мгновение осознал всю ценность этого предложения. Мое сердце так затрепетало в моей груди, что я стал серьезно опасаться за свое здоровье. Вероятно, в полной мере мое состояние в тот момент может понять только коллекционер.

— Вы можете мне не верить, но я вас прекрасно понимаю, — усмехнулся слегка Венедикт. Улыбка лишь слегка тронула его красиво очерченные губы. — Прошу вас, продолжайте.

— Мы начали договариваться о встрече, и

вдруг мой собеседник неожиданно замолчал и я услышал по телефону какой-то шум, — профессор замолчал и, склонив седую голову, покачал ею. — Шум был неясный. Мне показалось, что это был звук... Как бы вам сказать? Словно кто-то прыгнул. Одним словом — прыжок. Я услышал громкий стук падающей мебели, что ли. — Соколов замолчал на несколько мгновений, снова переживая случившееся. — А потом я услышал сдавленный хрип, — тихо продолжил он, пытаясь успокоить разыгравшиеся нервы. — Я не специалист в данной области, но даже я понял, что это был предсмертный хрип. Это было так страшно слышать! — тихий голос профессора сорвался на сдавленный хрип.

— Петр Николаевич, вы успокойтесь, выпейте воды, — Венедикт, приподнявшись со стула, налил из графина воды и подал стакан профессору.

Соколов трясущимися руками взял его и, громко стуча зубами о стекло, выпил жадно всю воду. Поставив стакан на стол, достал из кармана уже слегка помятый платок, аккуратно промокнул влажные губы. Сложил платок и неспешно убрал его в карман отутюженных брюк. Венедикт терпеливо наблюдал за действиями профессора.

— Вы слышали хрип, а дальше что? — после некоторого молчания спросил Венедикт.

— Дальше?... Этот наводящий ужас хрип

продолжался, вероятно, всего несколько мгновений. Но поверьте, мне это показалось целой вечностью. Время для меня словно остановилось. Потом я услышал грохот, я думаю, падающего тела, затем негромкий стук... И все... Дальше до меня донеслись лишь короткие гудки занятого аппарата. А сегодня рано утром, — Петр Николаевич глубоко вдохнул в себя воздух, словно ему его не хватало, — мне позвонил неизвестный мне человек. Было действительно рано. На этот раз я точно знаю время этого странного звонка. После него я посмотрел на часы. Было только пять минут пятого.

— Неизвестный человек?... Он что-нибудь вам сказал, предложил?

— В том и дело, что он ничего мне не сказал. Когда я представился, я как-то привык, знаете ли, всегда представляться, когда мне звонят, в ответ я услышал только тяжелое дыхание. Я даже не могу однозначно сказать, мужчина это был или женщина. Просто тяжелое дыхание... Так продолжалось несколько томительных мгновений, в течение которых я неоднократно просил ответить моего собеседника, а потом послышались гудки отбоя.

Вы знаете, Венедикт Игоревич, что-то мне стало не по себе после этого звонка, и я, едва дождавшись восьми часов, сразу направился к вам. Что-то было зловещее в этом молчании. Вроде

ничего мне и не сказали, а из трубки ощутимо неслись флюиды угрозы. Может мне только так показалось? И это плод моего возбужденного происшествием воображения. Может кто-то просто ошибся номером? А я запаниковал, и зря отнимаю у вас время? — Соколов вопросительно взглянул на Венедикта.

— Петр Николаевич, а почему вы не позвонили в полицию после первого звонка? Ведь фактически вы стали невольным свидетелем преступления. — Венедикт внимательно следил за реакцией Соколова.

Соколов смущенно заморгал почти бесцветными ресницами. Бросив молниеносный взгляд на детектива, отвел глаза и беспомощно взглянул на молчащего Верещагина. Антон Павлович развел руками, давая понять, что нужно отвечать и на этот очень неудобный вопрос. Соколов нервно откашлялся, забывшись, вытер рукой вновь заблестевшие слезой глаза.

— Я старый человек. Мне уже идет восемьдесят девятый год. Я не очень хорошо себя чувствую и я, знаете ли, очень испугался. После этого звонка я лег в постель и никак не мог заснуть. Я все думал и думал о нем. И чем больше я думал о нем, тем больше во мне росла уверенность в нереальности произошедшего. Подумайте сами, в середине ночи мне кто-то звонит и предлагает за

реальные деньги приобрести нереальные, мистические гаты. Это же выходит за рамки благоразумия. В конце концов, я подумал, что это все мне просто приснилось. Что это был кошмарный и одновременно в чем то прекрасный сон. Если бы не сегодняшний утренний звонок, не знаю, пошел бы я, знаете ли, в полицию?

— Петр Николаевич, вы очень хорошо сделали, что обратились к нам. Вы что-нибудь еще можете рассказать? — Венедикт внимательно рассматривал взволнованного профессора.

— Пожалуй, что нет, — с некоторой неуверенностью ответил профессор.

Эта неуверенность была такой легкой, что только Венедикт смог ее уловить. Нельзя было однозначно сказать, чем была вызвана эта едва уловимая неуверенность. Она могла быть объяснена и просто волнением, вызванным рядом неприятностей, выпавшим на долю профессора в последние сутки. Но она могла иметь и более глубокий смысл. Но сейчас не стоит настаивать на выяснении ее причины. Можно вконец испугать и так изрядно разволновавшегося старого человека.

— А вы с кем живете сейчас? У вас есть семья? — спросил Венедикт, стараясь увести разговор от щекотливой темы.

— Моя жена уже давно умерла, у нее было слабое сердце. Бог не дал нам детей. Это наша с

женой трагедия. — Петр Николаевич с тоской взглянул на Венедикта и удрученно сделал легкий взмах своей сухонькой ручкой. — И сейчас я живу, знаете ли, совершенно один. Два раза в неделю ко мне приходит домработница. Прибирает, готовит. В общем, делает работу по дому, которая мне не по силам.

— И как зовут вашу домработницу? — неожиданно заинтересовался Венедикт.

Соколов удивленно взглянул на Венедикта. Видно хотел поинтересоваться, при чем здесь его домработница, но взяв себя в руки, совладал со своим желанием.

— Ее зовут Марией Сергеевной. Фамилия, по-моему, — профессор потер лоб слегка вздрагивающей рукой с длинными тонкими пальцами. — Кузьмина. На счет фамилии я могу и ошибиться. Она предоставляла мне свой паспорт, когда я брал ее на работу. Но это было уже пять лет как.

— А вы не знаете, семья у Марии Сергеевны есть? — продолжал интересоваться Венедикт.

— Семья у нее есть, она как-то вскользь упомянула об этом. Но состав ее я, знаете ли, не знаю. Как-то не выпадало случая поинтересоваться. Да, собственно говоря, меня это мало интересовало. С какой стати я должен влезать в личную жизнь своей работницы? Она аккуратно и своевременно

выполняет свою работу, и я ею вполне доволен.

— Ну, хорошо, давайте перейдем к мистике. Об убийстве неизвестного мужчины вы рассказали, об Авесте то же. Я пока не вижу здесь ничего мистического. Обычное преступление, с которым с успехом справляется наша полиция. Где здесь мистика?

— Да, мистика... Знаете ли, в конце гатов есть приложение, своего рода заклинание. Этого приложения, как вы догадываетесь, вероятно, никто не видел. Во всяком случае, мне такие случаи неизвестны, хотя я этим делом занимаюсь уже очень давно, — и вновь Венедикту показалось, что профессор несколько замешкался, едва заметно смутился. При произношении этих слов его речь просто несколько ускорилась. Словно профессор хотел их быстрее произнести. — Так вот, согласно легендам, этот текст приложения, стоит его прочитать, обеспечивает своему владельцу бессмертие. Правда, согласно этой же легенде при прочтении этого заклинания нужно обнажиться и натереть свое тело бальзамом Али Ху-сейна Иби — Абдалллаха Иби Сина. Вы когда-нибудь слышали об этом древнем врачевателе? — профессор вопросительно взглянул сначала на Верещагина, потом перевел взгляд на Струкачева. Увидев на их лице недоумение, усмехнулся.

— Вы, конечно, о нем слышали. Смею вас

заверить. О нем знает практически любой более или менее образованный человек. Об этом великом человеке много и часто пишут в журналах и газетах. Среди обывателей он больше известен как Авиценн.

Верещагин и Струкачев согласно закивали головами, подтверждая, что слышали об этом человеке.

— Говорят, что в приложении приводится и состав этого бальзама, — произнес удовлетворенный Соколов.

Венедикт усмехнулся.

— И вы хотели приобрести гаты ради этого приложения, — поинтересовался Венедикт.

— Э-э, молодой человек, я позволю вам сказать несколько слов об этом документе для повышения вашего культурного уровня. Я уж не говорю о бальзаме Авиценны. Если он и есть в этом документе, его ингредиенты состоят из растений, название которых, знаете ли, неизвестны современному человеку. Я напому вам, молодые люди, если вы, конечно, когда-нибудь знали этот факт, что Авиценн жил в средневековье. Нам сейчас даже не известны точно годы его жизни. Предполагается, что это было около 980 — 1037 годах. С той поры вполне возможно, что некоторые растения вообще исчезли с лица земли. Или они имели совсем другие названия. Современная

цивилизация могла изменить их свойства. Здесь много нюансов. Но, даже если кто-то сможет разгадать рецепт бальзама Авиценны, он, чтобы прочесть это заклинание должен знать, если вы помните, авестийский язык. А этот язык, смею высказать предположение, знают несколько человек на всем белом свете, в том числе и я. Без знания языка, этот документ представляет собой просто артефакт. Ценный предмет для коллекционера, безусловно, но бесполезный с точки зрения бессмертия.

А по поводу вашей реплики я могу сказать, что я, знаете ли, не хочу стать бессмертным. Моя любимая покойная жена уже заждалась меня на том свете. А я что-то очень задержался на этом свете. Но этот документ необходимо найти и уничтожить. Нельзя допустить бессмертия для одного человека. Это нарушит тот баланс, который установлен в мире. Вы понимаете? К тому же, тот, кто кровавым путем обретает этот артефакт, наверное, является средоточием всех мыслимых и немыслимых пороков. Допустить к бессмертию такого, с позволения сказать человека, значит обречь на неминуемое уничтожение человечество.

Увидев согласный кивок Венедикта, Петр Николаевич, приподнявшись с кресла, взял со стола графин, наполнил наполовину стакан, сделал один большой глоток. Достав из кармана носовой платок,

аккуратно промокнул губы.

— Я неглупый человек, — продолжил Соколов свое сообщение после окончания этой процедуры, — и по произошедшему в моем, практически, присутствии убийству я сделал, знаете ли, соответствующие выводы. Мне предложили этот артефакт, и в тот же момент человек, сделавший мне это предложение, погибает. А буквально через несколько часов совершается загадочный звонок мне. Отсюда можно сделать законный вывод, что за гатами ведется охота серьезным человеком, не побоявшимся пойти на убийство. И теперь в поле его зрения попадаю я. Не представляю, что ему от меня нужно? Но я предполагаю, что в ближайшее время со мной захотят встретиться. Насколько я понимаю, ничего хорошего мне встреча с ним не сулит.

Венедикт задумался, покачиваясь на стуле и машинально почесывая чисто выбритый подбородок.

— Я согласен с вашим выводом, Петр Николаевич. Мне можно на несколько минут попросить у вас ключи от квартиры?

Верещагин с удивлением взглянул на Венедикта, хотел что-то сказать, но сдержался, промолчал.

— Зачем вам мои ключи? — Соколов вопросительно посмотрел на Верещагина.

— Не волнуйтесь, это обычная процедура при проведении следственных мероприятий, — ответил Антон Павлович, поддерживая пока непонятную ему игру Венедикта.

— Пожалуйста, — Петр Николаевич достал из кармана ключи и подал их Венедикту.

— Вы пока пообщайтесь с Антоном Павловичем, а я сейчас быстро кое-что с ними сделаю и верну их вам, — Венедикт вышел из кабинета.

Через несколько минут он вернулся и заметил, что за время его отсутствия Соколов пересел на стул, который стоял ближе к хозяину кабинета. Они о чем-то оживленно болтали. Поблагодарив профессора, Венедикт протянул ему ключи и сел в освободившееся кресло. Петр Николаевич о чем-то горячо рассказывал Верещагину. Увлечшись разговором, сидевший на стуле Петр Николаевич, подался вперед и оказался на самом краешке сиденья.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Венедикт, несмотря на всю серьезность разговора, поймал себя на нехорошей мысли, что он

с интересом следит, упадет ли профессор со стула или все-таки удержится? Вероятно, интуитивно на подсознательном уровне почувствовав опасность, Соколов отодвинулся от края сиденья и сел глубже. Венедикт разочарованно отвел взгляд.

— Петр Николаевич, вы успокойтесь и идите домой. Займитесь своими обычными делами, а мы постараемся обеспечить вашу безопасность и заняться расследованием этого таинственного убийства, если оно совершено, — Верещагин поднялся с кресла, давая понять, что разговор на этом закончен. — А Венедикт без промедления займется мистической составляющей происшествия. Если будут какие-то новые события по этому делу, немедленно звоните мне или Венедикту. Вот наши контакты, — Антон Павлович протянул профессору листок с записанными телефонами.

Тяжело вздохнув, Соколов поднялся с кресла, взял протянутый листок и, попрощавшись с мужчинами, неожиданно легкой походкой направился к дверям. Венедикт даже позавидовал — в такие-то годы иметь такую легкую походку. Остается только гадать о ее причинах.

2

Проводив профессора, Верещагин и Венедикт

долго молчали, собираясь с мыслями.

— Венедикт, что ты думаешь по данному делу? — нарушил затянувшее молчание Павел Андреевич.

— Я так понимаю, что данное дело нужно разбивать на два. Первое дело — возможное убийство неизвестного нам человека, который предложил гаты Соколову и второе дело — поиск гатов и все сопутствующие ему проблемы. Я подчеркиваю, «возможное». Никаких заявлений об убийстве, насколько я понимаю, вам не поступало?

— Пока нет, — охотно огласился Верещагин, поглаживая огромной ладонью чисто выбритую голову. — Но если поступит, то первым делом будет заниматься отдел полиции, а второе, уж не обессудь, возьмешь на себя. Ты же понимаешь, что отдел полиции не может заниматься какими-то мистическими делами. Да и специалистов по таким предметам у нас нет. Смеею предположить, что наверху, — Верещагин для большей наглядности ткнул пальцем в потолок, — меня не поймут, если я доложу им о каких-то там гатах, о которых простой смертный и не слышал никогда.

— Ну что ж! Я согласен с таким разделением нашего сотрудничества. Но сдается мне, что совсем скоро, может уже сегодня ночью, мне придется попросить у вас о помощи.

— Помощь? — удивленно поинтересовался

Антон Павлович. — Какую?

— Мне кажется, что сегодня ночью придется арестовывать одного человека.

Верещагин с удивлением взглянул на Струкачева.

— Какого человека? Венедикт, мы только начали вести дело, а говоря строгим юридическим языком, дело вообще еще не открыто. Я только после обнаружения трупа буду возбуждать уголовное дело, а ты уже предлагаешь начать производить аресты.

— Я сказал «мне кажется». Если меня не обманывает мое шестое чувство, а я привык ему доверять, оно меня еще ни разу не подводило, сегодня ночью будет посещение профессора Соколова неким человеком.

— И почему твое шестое чувство пришло к такому выводу? — с сарказмом произнес Верещагин.

Венедикт, почувствовав сарказм, усмехнулся.

— Это довольно легкая задача для моего шестого чувства. Оно ее быстро решило. Мы с ним рассуждали следующим образом. Во-первых, Соколов рассказал нам не все. По злему умыслу, из-за излишнего волнения или решив, что это не столь уж и важно, но кое-что от нас он утаил. Надеюсь, сегодня я это узнаю точнее.

Во-вторых, вывод о том, что сегодня будет

посещение профессора еще проще. Преступник позвонил по тому телефону, по которому звонил неизвестным нам пока возможно погибший молодой человек. Он выяснил, что абонентом был известный нам Соколов. И этот профессор нужен преступнику. Зачем? Вероятно, чтобы узнать то, что известно Петру Николаевичу, и чем он не захотел поделиться с нами. Или, может быть, взять у него что-то. И этот визит будет обязательно. Иначе не было бы сегодня раннего утреннего звонка. — Венедикт задумчиво погладил подбородок. — Заодно я постараюсь обеспечить безопасность Петра Николаевича.

— Поэтому ты и снял слепки с ключей профессора? — предположил Антон Павлович.

— Да, сегодня ночью мне придется неправомерно посетить Соколова. Этот факт меня несколько смущает. Но я пока не вижу другого выхода. Если что-то пойдет не по моему плану, вам придется меня отмазывать от незаконного проникновения в квартиру. Но мне крайне необходимы дополнительные сведения об этом деле. Заодно, может, мне удастся обезвредить преступника и попытаться спасти жизнь Соколова.

— Понятно, но не очень. Ты подробнее можешь.

— Пожалуйста, могу и подробнее. Когда неизвестного мужчину убивали, тот звонил

Соколову с предложением приобрести ценный артефакт. И преступник слышал об этом. Скорее всего, он заранее проник в квартиру, еще до прихода туда погибшего. Или они были знакомы. В любом случае убийца присутствовал при разговоре. Определить абонента, которому звонили с данного аппарата, при современных технологиях представляется не столь уж сложным делом. Будем исходить из того, что злодей достаточно продвинутый человек, и он определил абонента. Он по каким-то причинам не может воспользоваться гатами, которые он наверняка забрал у убитого им человека. И его по каким-то причинам не удовлетворил приобретенный артефакт, — пробормотал едва слышно Венедикт, задумчиво постукивая кончиками пальцев по столу. Антон Павлович замер, стараясь лишним движением не отвлечь молодого детектива от его размышления. — Иначе он не звонил бы Соколову сегодня с утра пораньше. Вероятно, он знает, что Соколов может помочь ему в устранении его недовольства.

Дальше рассуждаем следующим образом. Некто охотится за гатами. Значит, он либо знает авестийский язык, либо знает человека, который может оказать ему помощь в этом деле. — Венедикт задумался на несколько мгновений. — Но он не может воспользоваться чьей-либо помощью.

Ведь только прочитавший текст гатов может стать бессмертным. Тогда при чем здесь становится убийца? — Венедикт вопросительно посмотрел на Верещагина.

— Тогда получается, что убийца сам знает этот загадочный язык, — предположил Верещагин.

— Верно. Но тогда получается, что убийца — человек образованный и принадлежит, скорее всего, к научным кругам. Правда, это может быть и просвещенный коллекционер.

— Стоп. Мы с тобой неправильно рассуждаем. Мы слишком привязались к гатам, к возможности их прочтения и использования. — Верещагин задумчиво постучал кончиками пальцев по столу. — Но убийцей может быть и наемник, получивший от заказчика задание принести некий документ, которым владел убитый.

— Согласен. А как ты думаешь, сегодняшнее посещение профессора осуществит сам убийца?

— Совсем не факт. Это может быть и сам заказчик, и совершенно посторонний человек, наемник, используемый, условно говоря, заказчиком втемную.

— Да, пока в этом деле очень много вопросов. Но я думаю, сегодня ночью их станет немного меньше. Я очень на это надеюсь.

Верещагин открыл, было, рот, чтобы что-то сказать. Но его перебил зазвонивший телефон.

Антон Павлович с недоумением уставился на аппарат. В пылу горячей дискуссии по необычному делу он совершенно забыл обо всем, кроме захватившего его дела. Верещагин поднял трубку и несколько томительных секунд молча слушал.

— Хорошо, проводите ее ко мне в кабинет.

Верещагин положил трубку на аппарат и несколько мгновений сидел, молча, постукивая костяшками пальцев по столу. Венедикт терпеливо ждал, когда коллега заговорит.

— Звонил дежурный по отделу, — наконец заговорил Антон Павлович. — В отдел пришла Мария Сергеевна Кузьмина с заявлением об убийстве ее сына — Максима Викторовича Кузьмина. Сегодня утром, придя с ночной смены, она обнаружила в прихожей труп своего сына. Горло у него было перерезано от уха до уха. Все подробности пока не знаю. Оперативная группа только что выехала на место преступления. И наступил момент открытия уголовного дела. — Верещагин тяжело вздохнул и кончиками пальцев почесал свою обширную лысину. — Я все надеялся, что никакого убийства нет и в помине. И все, что рассказал нам старый профессор, это плод его старческого разума. Но нет. Придется с твоей помощью разбираться в этом неприятном деле. — Получается, Венедикт, что ты не зря интересовался домработницей Соколова. Каким-то образом эта

женщина связана с преступлением. Косвенно или напрямую она связана и с убийством сына и с утренним звонком профессору. Я это своей больной печенью чувствую. А вот каким образом, это нам с тобой предстоит выяснить. А сейчас Мария Сергеевна рвется ко мне в кабинет. Дежурный по отделу ведет ее сюда. Я надеюсь, ты поприсутствуешь при нашем разговоре. Думаю, тебе будет интересно послушать, что нам расскажет безутешная мать, потерявшая только что сына.

— С большим удовольствием поприсутствую. И к тому же я думаю, что в результате этой беседы мы получим очень интересные факты, которые прольют хоть толику света на нашу проблему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Верещагин открыл было рот, чтобы задать мучавший его сейчас вопрос, но в кабинет негромко постучали. После разрешения Верещагина войти, дверь распахнулась, и на пороге возник дежурный по отделу. Он попытался доложить по всей форме, но Антон Павлович нетерпеливо махнул рукой и попросил посетительницу войти. В кабинет как-то бочком вошла женщина.

Была она маленького роста, но отнюдь не худая. Черноглазая и черноволосая. Она настороженным взглядом быстро окинула все

помещение. Внимательно взглянула на Верещагина и перекинула взгляд на Венедикта. Его она рассматривала значительно дольше, на что обратил внимание и Антон Павлович. Венедикт даже смутился от ее внимательного всепроникающего взгляда. Она словно сканировала его, пытаясь добраться до самых потаенных глубин его сознания.

— Мария Сергеевна Кузьмина, — представил их друг другу дежурный, — Начальник отдела полиции майор Верещагин Антон Павлович.

— Спасибо, лейтенант, вы можете идти, — отпустил начальник отдела дежурного.

Без слов Верещагин приветливым жестом пригласил посетительницу присесть на стул, где совсем недавно восседал профессор Соколов. С заметным внимательному взгляду детектива неудовольствием Мария Сергеевна оторвалась от изучения Венедикта и направилась к предложенному стулу. Когда Кузьмина устроилась, Верещагин вопросительно на нее взглянул.

— Мария Сергеевна, примите наши искренние соболезнования по поводу смерти вашего сына. Наша оперативная группа уже выехала на место преступления, и я не сомневаюсь, что в скором времени мы разыщем преступника. Но вы хотели встретиться лично со мной. У вас есть какая-нибудь информация по этому преступлению?

— Скажите, а кто этот молодой человек? — поинтересовалась женщина, кивнув на Венедикта, игнорируя вопрос Верещагина.

— Это наш сотрудник, а что? Это вас смущает?

— Разговор у меня деликатный. Я не хотела бы, чтобы при нем присутствовал посторонний человек.

— Мария Сергеевна, смею вас заверить, что в моем кабинете нет посторонних людей. Если вы что-то можете сообщить по преступлению, милости прошу, излагайте. Если нет, то я не намерен терять понапрасну время. Мне нужно заниматься расследованием преступления, — в голосе Антона Павловича явно улавливалось недовольство словами Кузьминой.

Почувствовала это и посетительница. Она ступсешалась, нервно поправила шейный платок.

— Как знаете! Вы начальник отдела и сами решаете, кто будет присутствовать на нашем разговоре.

— Вот именно, — сухо подтвердил Верещагин. — Прошу вас перейти к сути разговора. У меня слишком мало времени тратить его попусту.

Но женщина еще несколько мгновений молчала, собираясь с мыслями.

— Максима я воспитывала одна. Его отец бросил меня, когда узнал, что я беременна. Ну,

знаете, как это часто бывает? Я тогда была молодой неопытной, а мой любовник был человеком солидным, да еще и женатым. В город я приехала из деревни учиться в сельскохозяйственном институте. На вступительных экзаменах по математике я конкретно поплыла, и принимающий экзамен преподаватель сделал мне неприличное предложение. Я и не устояла от соблазна. А вскоре узнала, что беременна. Когда я сообщила об этом своему любовнику, он пришел в ярость. Он потребовал от меня, чтобы я сделала аборт. Я наотрез отказалась. Короче, пришлось мне уйти из института и пойти работать. А потом родился Максим.

Я старалась воспитывать сына хорошим человеком. Работала на нескольких работах, чтобы обеспечить его безбедное существование. Старалась, чтобы он не ощущал, что живет не в полной семье. Никогда и ни в чем ему не отказывала. Ради него я не вышла замуж, хотя таких предложений было немало. И все ради своего сына. Он у меня такой славный мальчик... был до недавнего времени. За последнюю неделю он очень изменился. Стал нервным, часто грубил мне. А несколько дней назад, придя с работы раньше обычного, я застала его за рассматриванием какой-то книги, что ли. Я успела только заметить, что книга была достаточно большой и толстой, а